

А.Е.КЛИМОВ

Г.В. ФЛОРОВСКИЙ И С.Н. БУЛГАКОВ

История взаимоотношений в свете споров о софиологии

Отношения между Георгием Васильевичем (впоследствии о. Георгием) Флоровским и прот. Сергием Булгаковым оставили заметный след в истории русской богословской мысли XX в. Личное их знакомство состоялось весной 1923 г. в Праге, куда Булгаков прибыл вскоре после своей высылки из Советской России в конце 1922 г.; он был приглашен в качестве профессора по церковному праву и богословию Русским Юридическим Факультетом, основанном при Пражском университете с помощью так называемой «Русской акции» чешского правительства[1]. А Флоровский как раз в то время заканчивал в этом же учебном заведении диссертацию о Герцене. Успешно защитив ее в 1923 г., он был приписан к кафедре истории философии права со званием приват-доцента.

К моменту встречи Флоровский был уже хорошо знаком с печатными работами Булгакова. Еще с гимназических лет Флоровский проявлял живой интерес к богословским течениям, восходящим к Вл. Соловьеву[2], но его юношеские увлечения довольно скоро сменились более критическим отношением к наследию философа, и уже в 1921–22 гг. Флоровский печатно высказывает свое несогласие с этим направлением мысли[3]. Однако его неодобрительная оценка философской ориентации, виднейшим представителем которой являлся именно Булгаков, не мешала Флоровскому испытывать искреннее уважение к личности о. Сергия. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что вскоре после встречи Флоровский избирает Булгакова своим духовным отцом[4]. Впрочем, как мы узнаем из булгаковского дневника того времени, у них довольно скоро возникли какие-то существенные разногласия, скупно отмеченные Булгаковым следующей записью: «Не могу поставить на рельсы Г.В.Ф.»[5]. По всей вероятности, эти слова свидетельствуют о несогласии философского характера; во всяком случае спорами именно такого рода окрашены взаимоотношения Флоровского с Булгаковым в течение всех последующих лет[6].

Приведу два характерных эпизода, указывающие на те непростые отношения, которые сложились между ними с самого начала. Осенью 1923 г. Булгаков возглавил новосозданное Братство Св. Софии, цель которого заключалась в развитии и распространении православного мировоззрения[7]. Флоровский был одним из четырнадцати членов-основателей, но через всего лишь нескольких он высказывал готовность выйти из Братства ввиду несогласия с философскими взглядами остальных членом, и одновременно усомнился в возможности занять должность в создаваемом в Париже Богословском институте, поскольку чувствовал несовместимость своих философских воззрений со взглядами других преподавателей[8].

В корне споров и несогласий в эти годы лежало глубокое расхождение в оценке наследия Владимира Соловьева. Известно, что Булгаков испытывал к русскому философу чувство благодарности за то положительное влияние, которое оказали труды Соловьева на его личную духовную эволюцию[9]. Кроме того, в его глазах Соловьев заслуживал признания за свою попытку сформулировать православную концепцию Софии, несмотря на то, что к 1924 г. Булгаков уже признавал многое в подходе Соловьева несовершенным и недоделанным[10].

Флоровский смотрел на вопрос совсем по-иному. Хотя научный интерес к Соловьеву он проявлял в течение всей своей жизни, он был убежден, что влияние философа на русскую духовную и интеллектуальную историю было отрицательным и даже пагубным. В своей переписке с Булгаковым (после переезда о. Сергия в Париж) Флоровский высказывает это суждение с резкостью, не оставляющей сомнений в том, что его критике подвергается одновременно и вся пост-соловьевская плеяда русских философов и богословов, к которой принадлежал Булгаков.

Первое из дошедших до нас писем с этой тематикой датировано 30-м декабря 1925 г. В нем Флоровский рассказывает о своем изучении Соловьева, в частности, о разговорах с Н.О. Лосским о

религиозной эволюции философа. Эти занятия убедили его, пишет он, что его прежние критические высказывания о Соловьеве были слишком мягкими. И он добавляет несколько игривую фразу: «Знаете ли, кто толкнул меня в сторону еще большей непримиримости? Автор «Тихих дум»...»[11]. Здесь имеется в виду сборник статей самого Булгакова, изданный в 1918 г., в который входит большая работа, посвященная наиболее спорным аспектам соловьевского наследия: его квази-эротическое влечение к Вечной Женственности-Софии, и тягостный эпизод с Анной Шмидт[12]. Флоровский продолжает:

Что касается меня лично, то я ощущаю отталкивание от Сол<овьева> по всей рел<игиозно >-фил<ософской> мысли. И чрез это отречение мы освободимся и от всей смутной традиции, ведущей чрез масонство к внецерковной мистике мнимых тайнозрителей дурного вкуса, — а именно эта традиция, по моему чувству, сковала наши творческие силы. <...> А о Соловьеве надлежит сейчас (слагать — А.К.) не панегирики и чуть ли не акафисты, а слезные заупокойные моления — о душе смутной...[13]

Булгаков ответил на это письмо только через два месяца — в самом начале 1926 г. он тяжело заболел и находился почти при смерти[14]. В связи с последовавшим из-за его болезни перерывом в педагогической деятельности Булгакова, Флоровского запросили из Парижа, согласился бы он провести курс по апологетике в Богословском институте весной того года, с просьбой адресовать ответ поправляющемуся Булгакову. В большом недатированном письме, вероятно относящемся к первой половине февраля, Флоровский высказывает радостную готовность принять «такое послушание» и пространно обсуждает состав предполагаемого курса. Но в конце письма он возвращается к теме о своих занятиях Соловьевым, высказывая здесь критику в значительно более умеренной форме, чем в цитированном выше отрывке. Флоровский пишет, в частности, что продолжает считать Соловьева «внешним» всему духу православной Церкви, но к этому приговору добавляет сильно смягчающую оговорку: «как бы мы его не любили, как бы мы ни были (и ни должны были бы быть) ему благодарны»[15].

В ответном письме от 21 февраля Булгаков довольно подробно останавливается на вопросе о значении Соловьева, откликаясь в основном на жесткие замечания декабрьского письма. Болезнь, пишет Булгаков, привела его к пересмотру многих прежних взглядов, в том числе и тех, которые восходили к Соловьеву.

За болезнь свою благодарю Господа; верю и знаю, что она послана мне для вразумления и помощи. Я все время был в сознании и напряжении духовном и даже умственном. И кажется мне, что еще многое отчасти догорело, частью сгорело в опыте моем. Мне трудно еще самому подвести «идеологические» итоги <...>.

Страницы из Тихих Дум, <ото>рые Вы, очевидно, разумеете, сгорели еще раньше, вместе со всей Шмидтологией. Мне нечего идеологически защищать против Вас во Вл. С<оловьев>е, я с особой очевидностью для себя это почувствовал, когда была его память[16].

Отрекаясь от Соловьева в плане богословском, Булгаков однако защищает его значение в плане субъективно-эмоциональном. С этой точки зрения, пишет он, Соловьев остается для него одним из «отцов». Таким же образом, по его мысли, смотрят на философа очень многие, поэтому процесс освобождения от Соловьева, который поставил себе целью Флоровский, должен проходить свободно, без всякого нажима и «анафематствования в сердце»:

Ведь С<оловье>в живет еще и поныне в наших современниках, которые нуждаются в какой-то помощи, а не только <в> противлении или прещении[17].

Ответ Флоровского не сохранился, но судя по следующему письму Булгакова (10 мая), Флоровский подробно излагал о. Сергию ход своих штудий по истории Церкви, причем, по-видимому, снова отозвался о Соловьеве в сравнительно мягкой форме. Во всяком случае Булгаков принял то ли слова, то ли тон Флоровского за признак душевной перемены, и в своем ответе выражает радость, что Флоровский, как ему кажется, отошел от своего резкого неприятия Соловьева («Вы сдвинулись с мели своего антисоловьёвства») и — как надеется Булгаков — находится на пути к пониманию философской неизбежности концепции Софии[18].

Ответ Флоровского опять-таки неизвестен, но по письму Булгакова от 20 июля ясно, что он весьма энергично протестовал против такой интерпретации, причем свои возражения он связал с одним из трактатов св. Григория Паламы, перевод которого он приложил к своему, недошедшему до нас, письму. В своем отклике Булгаков выражает глубокое сожаление по поводу «софиоборства» Флоровского и предупреждает, что такая установка способна привести его к весьма сомнительным результатам[19].

А это, в свою очередь, вызвало наиболее воинственное из известных высказываний Флоровского на тему о Соловьеве и софиологии. В письме Булгакову от 4 августа, он выносит бескомпромиссный приговор соловьевской концепции Софии, наряду с явной, но более дипломатично высказанной критикой Булгакова. Цитирую два фрагмента из этого пространного документа.

Как уже давно я говорил, есть два учения о Софии и даже — две Софии, точнее сказать, — два образа Софии: истинный и реальный и — мнимый. Во имя первого строились святые храмы в Византии и на Руси. Вторым вдохновлялись Соловьев и его масонские и западные учителя, — вплоть до гностиков и Филона. *Церковной Софии* Соловьевов вовсе не знал: он знал Софию по Бему и бемистам, по Валентину и Каббале. И эта софиология — еретическая и отреченная. То, что Вы находите у Афанасия, относится к другой Софии. И еще больше о Ней можно найти у Василия Великого и Григория Нисского, от которых прямой путь к Паламе[20].

Далее Флоровский приводит длинный список использованных в богословских трудах высказываний о природе Софии и отвергает все определения, сделанные в соловьевском ключе. Он продолжает:

Скажу резко, у Соловьева *все лишнее*, а с тем вместе *главного нет вовсе*. Просто все на другую тему, и поэтому не на тему. Все лишнее. Думаю, что и Вам Соловьев долго мешал отыскать главное. А для отыскания надо идти через христологию, а не через тринитологию, ибо только в Христе Иисусе «троическое явися поклонение». <...> Все это, конечно, надо рассказать лучше. Настаиваю на одном: есть два русла — церковное софиесловие и гностическое. Соловьевов — во втором, а до этого второго церк^{овному} богослову никакого нет дела[21].

Трудно более четко сформулировать свое неприятие софиологии и всей философской традиции, идущей от Соловьева к Булгакову. И тем примечательнее, что, насколько мы можем судить, в личном плане отношения Флоровского с о. Сергием в эти годы оставались вполне дружественными. В письмах они заботливо осведомляются друг о друге, о. Сергей всякий раз посылает Флоровскому свое благословение, а тот обычно завершает свои ответы фразой «Любящий Вас Г. Флоровский». (Судя по замечаниям Булгакова, Флоровский писал ему часто и обстоятельно, хотя только часть из его посланий сохранилась в парижском архиве Булгакова).

Летом 1926 г. определилось назначение Флоровского на кафедру патристики в Богословском институте, и после его переезда в Париж, переписка предыдущих месяцев естественным образом прекратилась. Спор Флоровского с софиологией однако не иссяк, а перешел на качественно другой уровень, и стал выражаться теперь в сугубо научных статьях, направленных против теоретических и исторических основ софиологической доктрины, в то же время самым скрупулезным образом избегающих полемики и какой бы то ни было прямой критики Булгакова.

Остановлюсь вкратце на четырех работах этого типа, хотя разделяю мнение покойного прот. Иоанна Мейендорфа, что антисофиологический пафос различим почти во всем научном наследии о. Георгия[22].

В 1928 г. Флоровский опубликовал большую и обильно документированную статью под названием «Тварь и тварность»[23], в которой он исследует трактовку философии творения, вытекающую из святоотеческих высказываний на этот счет. В статье нет упоминаний ни Софии, ни Булгакова, нет в ней и намек на полемический задор. Суть, однако, в том, что софиологическая система зиждется на принципиально иной теории, естественным образом приводящей к иным философским последствиям. Флоровский подчеркивает радикально свободную природу акта творения, как это трактуется в традиционном христианстве (у Бога не было необходимости в сотворении мира), и указывает на учение о «полном и окончательном разрыве» между Богом и сотворенным миром. И то, и другое, коренным образом противоречит софиологическим предпосылкам, согласно которым

утверждается, что Бог создал мир ради выражения Своей любви, и что, главное, София является неким соединительным звеном между Богом и миром.

Второй пример относится к 1930 г., когда на конференции в Болгарии Флоровский представил подробный доклад об историческом контексте, при котором храмы в Византии и на Руси посвящались Св. Софии и почитались иконы, изображающие Софию, Премудрость Божию[24]. И хотя в докладе опять-таки отсутствует какое-либо упоминание Булгакова или его предшественников, работа Флоровского несомненно направлена против попыток — характерных как для Булгакова, так и для Флоренского и Соловьева — представить софиологию, как нечто освященное многовековой традицией Церкви[25]. Вопреки такому пониманию, Флоровский приводит исторические данные, свидетельствующие, что в средневековой православной практике посвящение храма «Софии, Премудрости Божией» воспринималось, как нечто равносильное посвящению Христу. А по поводу известных иконографических изображений Св. Софии, Флоровский высказывает предположение, что образы такого рода скорее всего навеяны западным влиянием. Хотя эта гипотеза остается спорной[26], сама постановка вопроса является показательным примером избранного Флоровским подхода — попытки чисто научным образом, без перехода на личности, подвергнуть критике основополагающие предпосылки софиологической доктрины.

В том же 1930 г. Флоровский еще дважды выступает в печати со статьями, непосредственно связанными с его неприятием софиологии. В первой из них, рецензии на перепечатку книги о. Павла Флоренского «Столп и утверждение Истины»[27], он открыто критикует противоречия, по его мнению, характерные для софийного видения. Но все же это не главное. В этой рецензии и в статье «Спор о немецком идеализме», вышедшей в конце 1930 г.[28], Флоровский разрабатывает тему, ставшую впоследствии основной в его подходе ко всей проблематике вопроса. Он указывает на неудержимое стремление мыслителей типа Флоренского абстрагироваться от реальной исторической канвы, в том числе и от священной истории. Символика как бы заслоняет или даже заменяет историю, и на этом фоне неизбежно бледнеет и теряется образ реального Богочеловека Христа. Именно в этом заключается наиболее серьезное обвинение, выдвинутое против автора «Столпа», в свое время имевшего, как известно, огромное влияние на Булгакова.

Такой же выход из исторического времени и погружение в мир идеальных, но неподвижных категорий Флоровский усматривает в мировоззрении классиков немецкой философии XVIII–XIX вв., таких, как Кант, Шеллинг и Гегель. К этому типу мировоззренческих систем явно относится и софиология, и вполне симптоматично, что Булгаков сам признавал за собой полное отсутствие интереса и вкуса «к конкретному, к действительности»[29].

Новый этап в отношениях Флоровского с Булгаковым относится к началу 1930-х гг., когда Флоровский и Булгаков (с рядом других преподавателей Богословского института) начали деятельно участвовать в екуменических встречах англикан и православных под эгидой Содружества Свв. Албания и Сергия, основанного в 1928 г. Возникли ежегодные конференции, на которых, как правило, читали доклады и вели беседы как Булгаков, так и Флоровский[30]. А это неизбежно привело к тому, что богословские разногласия между ними стали приобретать все более публичный характер. Сыграло свою роль еще и то, что, по наблюдению Николая Зернова, софиологическая тема не находила большого сочувствия у англиканской аудитории, которой много ближе и понятнее был библейский и патристический подход Флоровского[31]. А на конференции в 1933 г. возникло довольно резкое противостояние, когда Булгаков предложил незамедлительно приступить к взаимному причастию православных и англиканских членов Содружества (употреблялось слово «Interkommunion» в немецком написании), не ожидая формальной санкции церковных властей. Предложение не было принято, отчасти из-за решительных протестов Флоровского, которого, как вспоминает один из присутствовавших, в данной ситуации можно было бы назвать «анти-Булгаковым»[32].

Из-за официального осуждения софиологии Московской патриархией и — почти одновременно — Синодом Русской Православной Церкви Заграницей осенью 1935 г. отношения между Булгаковым и Флоровским оказались на грани разрыва.

Но сначала следует пояснить, что прещения 1935 г. нельзя считать неожиданными, и что помимо Флоровского было немало церковных деятелей, выразивших сомнение по поводу софиологических построений Булгакова. Отсутствие симпатии к софиологии наблюдалось даже в Богословском институте, где Булгаков вел курс догматического богословия. Митрополит Евлогий, например, решительно защищая о. Сергия от всех формальных обвинений, относился к софиологическим построениям Булгакова с явной прохладой. Свойственные им отклонения от традиционного православного богословия он приписывал «мирскому пафосу» о. Сергия, — тому, что Булгаков не получил «того фундамента, который закладывался в наших духовных академиях»[33]. (О. Сергий, конечно, прекрасно понимал, как смотрит на него митрополит, и в письме 1929 г. причисляет Евлогия к «софиоборам»)[34]. Можно еще привести свидетельство прот. Александра Шмемана, бывшего студентом Богословского института в последние три года преподавательской деятельности о. Сергия. Шмеман вспоминает о той непостижимой пропасти, которая, как ему тогда казалось, пролегла между праведной и светлой личностью Булгакова и его тяжеловесной философской доктриной. По словам Шмемана, интуиция подсказывала ему, что софиология просто не имела связи с основными заботами Православия: это было «не то, не так, не о том»[35].

Другие комментаторы, особенно приверженцы Русской Православной Церкви Заграницей, высказывались более жестко, и резкая критика софиологии стала появляться в эмигрантской церковной печати со второй половины 20-х гг. Имеются подробные обзоры этой полемики[36]. Основные тексты, связанные с осуждением Булгакова, также недоступны, некоторые из них — в недавних репринтных изданиях[37].

Однако в эмигрантском контексте собственно богословская сторона вопроса оказалась нерасторжимо переплетенной с болезненными политико-юрисдикционными темами, уже более десятилетия волновавшими русскую диаспору. Печальные подробности юрисдикционных распрей тех лет уже много раз описаны, и рассмотрение их ни в коей мере не входит в цель настоящей статьи. Необходимо отметить, однако, что длительный конфликт митр. Евлогия как с Зарубежной Церковью, так и с Московской Патриархией сыграл немалую роль в ходе событий, связанных с осуждением Булгакова. И особо следует подчеркнуть, что общественный резонанс от обвинений, выдвинутых против Булгакова, был очень значителен, причем осуждение о. Сергия воспринималось как повод, использованный для атаки на легитимность митр. Евлогия и Богословского института[38].

Два эпизода дают некоторое представление о накале страстей в эту пору. Когда стало известно, что осуждающий Булгакова указ Московской Патриархии был основан на докладе, представленном в Москву парижским богословом Владимиром Лосским, возмущение было столь сильным, что в конце общественного диспута на тему «Свобода мысли в Церкви», один из коллег Лосского в ходе перебранки подвергся физическому нападению со стороны Бориса Вышеславцева, профессора Богословского института[39]. А когда Лосский прислал копию своего критического разбора Матери Марии (Скобцовой), она вернула ему брошюру не прочитанной, но со следующей негодующей надписью: «Литературу, подписанную доносчиками, не читаю!!»[40]

Учитывая все это нездоровое возбуждение, можно было бы предположить, что Флоровский попытается избежать участия в полемике. И хотя он действительно очень скоро занял именно такую позицию, по его архиву можно судить, насколько далек он был поначалу от беспристрастного научного взгляда на предмет спора.

Наиболее яркое свидетельство того, как глубоко он был задет этими событиями, содержится в письме Милицы Зерновой (жены Николая Зернова) от 3-го ноября 1935 г., в котором она выражает свое глубокое огорчение по поводу резкости, с которой Флоровский отозвался на известие о московском указе против софиологии. Письмо Зерновой чрезвычайно эмоционально по тону, но нет причины сомневаться в подлинности изложенных ей фактов.

Зернова заявляет, что она была буквально ошеломлена жесткостью позиции Флоровского. Когда он гостил у них, пишет она ему, она хотела узнать, что он намерен предпринять в защиту о. Сергия Булгакова. Но к своему ужасу она вместо этого услышала от Флоровского, что Булгаков повинен в ереси, что его следует «свести со сцены» и «оттеснить из работы» в Содружестве Свв. Албания и Сергия. Подобные взгляды, протестует Зернова, не только несправедливы, но и лишены чувства

христианской любви, а в случае их осуществления способны нанести непоправимый ущерб парижской религиозной общине, и особенно Богословскому институту. Затем она выдвигает оскорбительные по сути обвинения, допуская, что критика Булгакова возникла на почве неутоленной амбиции самого Флоровского. «Не думайте, что Вы станете ректором», — пишет она[41].

Поскольку в архиве Флоровского нет других свидетельств такого рода, следует предположить, что эта вспышка гнева была кратковременной. Тем не менее, по сохранившимся письмам от ряда друзей ясно, что Флоровский мучительно переживал всю эту драму[42]. Однако уже к концу 1935 г. Флоровский твердо решает воздержаться от каких-либо публичных выступлений на этот счет[43]. По всей видимости, решение это сложилось главным образом под впечатлением нездорового общественного ажиотажа, в том числе из-за возможности грубо-корыстного истолкования его взглядов, проявившегося в письме Зерновой. Несомненно сыграли роль и письма друзей из Англии, единодушно советующих Флоровскому не выступать по этому вопросу. Раздувание темы, по их убеждению, способно нанести огромный вред делу общения между Англиканской и Православной Церквями[44].

И тем не менее Флоровскому не удалось избежать крайне заметной роли в дальнейшем витке событий. В конце 1935 г. митр. Евлогий назначает комиссию для рассмотрения выдвинутых против Булгакова обвинений[45]. Комиссия состояла в основном из преподавателей Богословского института (где Булгаков являлся деканом — в этом была, конечно, весьма существенная неловкость)[46]. Флоровский рассказывает, что он всеми силами старался уклониться от членства в Комиссии, но в конечном счете был вынужден подчиниться митрополиту, который утверждал, что без Флоровского заключение Комиссии будет походить на слишком легкую реабилитацию булгаковских взглядов[47].

Работа Комиссии проходила в два этапа. Заседания начались в феврале 1936 г.[48] под председательством прот. Сергия Четверикова, священника Введенской церкви в Париже, где и Флоровский часто служил после своего рукоположения в священство в 1932 г.[49] Протоколы заседаний не публиковались и их нет в архиве Флоровского в Принстоне, однако сохранился ряд писем Четверикова к Флоровскому о ходе работы Комиссии. Само существование этих писем, кстати, подтверждает замечание одного из членов Комиссии, В.В. (позднее прот. Василия) Зеньковского, что Флоровский принял участие лишь в одном официальном заседании[50].

Комиссия почти сразу разделилась на два лагеря. Большинство защищало Булгакова от обвинений в ереси, а меньшинство, представленное Четвериковым и Флоровским (последний обычно *in absentia*), выражало по поводу богословских построений о. Сергия серьезные сомнения. В июне 1936 г. Комиссия вынесла предварительные заключения, несмотря на отсутствие единогласия. В трех письмах к Флоровскому, Четвериков просит и даже умоляет его изложить свои взгляды письменно или хотя бы откомментировать набросок «Особого мнения», составленного Четвериковым: «Посылаю Вам проект резолюции» (6 июня 1936 г.); «Если можно, оставьте мне завтра в алтаре Ваше письменное мнение» (10 июня); «Вы меня очень опечалили <...> я еще раз прошу Вас — напишите прямо и откровенно *свое личное* заключение» (12 июня)[51]. Флоровский не соглашается, и Четвериков готовит отчет меньшинства один. «Если Вы тяготитесь составлением своего заключения, то можете этого не делать. Я пересмотрел наши протоколы... <i> воспользуюсь этими материалами для составления объективного доклада» (из письма о. Сергия Четверикова от 16 июня 1936 г.). Подпись Флоровского под «Особым мнением» Четверикову удалось получить когда он, в качестве председателя Комиссии, прислал Флоровскому свой текст вместе с отзывом большинства Комиссии и с повторной — но явно совершенно безнадежной — просьбой к Флоровскому составить свой собственный отзыв: «Если же Вы найдете возможным удовлетвориться одним из прилагаемых документов — и не составлять своего особого мнения, то не откажите подписать тот или другой» (из письма от 26 июня 1936 г.)[52].

«Особое мнение» меньшинства Комиссии от 6 июля 1936 г., подписанное Четвериковым и Флоровским, было представлено митр. Евлогию. В документе говорится, что хотя осуждение о. Сергия Булгакова следует считать преждевременным и торопливым, его воззрения действительно «вызывают большую тревогу», и представители большинства в Комиссии в своем отчете этого не учли[53]. (Отчет большинства был составлен несколькими неделями раньше А.В. Карташевым, В.В.

Зеньковским и другими. В нем категорически снимались обвинения Булгакова в ереси, но высказывались серьезные возражения против определенных аспектов софиологии[54].

Хотя эти предварительные отчеты не были преданы гласности, Флоровский, видимо, ошибается, предполагая, что митр. Евлогий не ознакомился с мнением большинства[55]. Во всяком случае известно, что на епархиальном собрании 14-го июля митрополит говорил о работе Комиссии и, отметив неразрешенные разногласия ее членов, просил Комиссию продолжить рассмотрение взглядов Булгакова — в надежде, что единогласие будет достигнуто[56].

Для Флоровского это было временем тяжелым. Весной и летом 1936 г. он участвовал в очередной работе Содружества в Англии совместно с Булгаковым, Карташевым, Зеньковским и другими, таким образом ежедневно общаясь со своими философскими оппонентами как раз в период составления отчетов. Деятельность Содружества, как и в предыдущие годы, состояла из докладов и дискуссий в разных городах Англии на темы, представляющие общий интерес для православных и англиканских участников. К огорчению Флоровского, Булгаков в своих выступлениях продолжал настойчиво выдвигать тему Софии, что, по наблюдению Флоровского, отрицательно сказалось на отношении почти всех членов православной делегации к софиологической доктрине.

У меня общее впечатление, — пишет Флоровский Ксении Ивановне 4 мая, — что все наши сторонятся инстинктивно о. Сергия Булгакова, даже о. Кассиан, и у всех есть желание подчеркнуть, что они не софиане (исключая Зандера). Несомненно это психологический эффект обвинений — есть какое-то смутное чувство у всех, что обвинения эти в каком-то смысле справедливы. Из англичан это очень ясно и открыто сказал Добби-Бейтман[57].

А в письме двумя днями позже, Флоровский сообщает, что А.Ф. Добби-Бейтман активно пытается предотвратить публикацию английской книги, в которой Булгаков излагает свою софиологическую концепцию:

Насколько я его понял, у него два мотива. 1) Он боится за о. Сергия Булгакова, что критика может оказаться слишком резкой и уничтожающей. 2) Он боится, что в лице о. Сергия будет скомпрометировано все русское богословие, ибо там есть общее впечатление, что все русские говорят о непонятном и туманном[58].

Как бы то ни было, к лету 1936 г. отчеты большинства и меньшинства Комиссии были составлены и подписаны. Из архива Флоровского известно, что он сразу же отправил копии этих документов Добби-Бейтману с просьбой дать искренний и строго конфиденциальный отзыв. Добби отозвался подробным анализом, который следует признать образцом ясного мышления. По его мнению, отчет меньшинства был логически уязвим («тревога не есть категория юридическая», замечает он), однако критику богословских построений Булгакова, изложенную в отчете большинства, Добби счел в сущности убийственной для всей булгаковской концепции[59]. Несколько позже Добби-Бейтман очень метко сформулировал создавшуюся ситуацию: «Они разделились, — пишет он о членах Комиссии, — на тех, кто искренне отстаивает добротное богословие, и тех, кто столь же искренне защищает отца Сергия». Такие несовместимые установки не могут быть примирены, полагает он, и заключает: «В итоге ваше решение, пожалуй, самой лучшее, а именно: хранить молчание»[60].

Между тем, Комиссия возобновила свою работу осенью 1936 г., начав с обсуждения подробного доклада, в котором прот. Четвериков изложил те аспекты софиологического учения, которые представлялись ему наиболее противоречивыми[61]. Этот пространственный документ, выражавший, по словам прот. Четверикова, его «недоумения», был по сути очень близок к основным пунктам обвинения, составленного годом раньше Зарубежной Церковью, («Определение Архиерейского Синода...»), но с той существенной разницей, что у Четверикова отсутствует заключение о ереси, и весь текст отличается умеренностью тона. Флоровский сообщил Четверикову, что прочел отчет «с большим удовлетворением»[62], но тем не менее не откликнулся на повторные просьбы Четверикова представить письменные ответы на ряд вопросов о софиологии, разосланных вместе с отчетом[63].

Здесь сказалось твердое решение Флоровского сопротивляться всем попыткам втянуть его в сколько-нибудь значительное дальнейшее участие в булгаковской Комиссии. В какой-то мере, вероятно, отразилась тут и надежда Флоровского, что таким образом его имя не будет

непосредственно связываться с заключением Комиссии, будь оно «за» или «против». Но приписывать эту установку одной лишь бытовой наивности было бы ошибкой. Несмотря на свое столь решительное неприятие софиологии, Флоровский в то же время был убежден, что отрицательное решение по «делу» Булгакова способно лишь еще больше разгорячить и без того бушующие юрисдикционные и политические страсти. С моральной точки зрения ситуация действительно казалась тупиковой. Позицию Флоровского нетрудно понять, но совместить ее с работой в Комиссии явно было невозможно.

Флоровский провел осень и начало зимы 1936 г. в Англии и Греции и мог, по-видимому, не принимать участия в официальных решениях Комиссии уже по одной этой причине. Однако его научная деятельность в это время показывает, что он продолжал заниматься вопросами, так или иначе связанными с отталкиванием от софиологии, хотя и действовал, как и с самого начала, косвенным образом. Основная тема его работы касалась непреходящей ценности святоотеческого наследия в религиозной культуре. Именно это — главный мотив книги «Пути русского богословия», законченной в Англии осенью 1936 г.^[64] Та же мысль лежит в основе доклада Флоровского на Конгрессе православных богословов в Афинах в декабре 1936 г.^[65] Не подлежит сомнению, что настойчивое подчеркивание этой темы во многом отражало резкое несогласие Флоровского с точкой зрения Булгакова, считавшего, что проблемы современного мира далеко не всегда могут найти ответ в наследии отцов Церкви^[66].

Оспаривать взгляды Булгакова на теоретическом уровне Флоровский был готов, однако участвовать во все еще тянущемся квази-судебном разбирательстве по делу Булгакова он просто отказался. Председатель Комиссии, прот. Четвериков, явно не оценил глубину убеждений Флоровского на этот счет, — Принстонский архив содержит ряд писем, в которых Четвериков умоляет Флоровского принять участие в составлении заключительного документа, и даже обращается к его жене с тем, чтобы она помогла убедить о. Георгия^[67]. В конце концов Четвериков заявил, что откажется от председательства, если Флоровский не перестанет уклоняться от участия, и, поскольку тот оставался неумолим, Четвериков исполнил свои намерения. В письме к Флоровскому от 30 марта 1937 г. он пишет о чувстве облегчения оттого, что ему не надо больше «рыться в ухищрениях софианства»^[68]. Уход Четверикова снял препятствие к единогласию, и Комиссия под председательством архим. Кассиана (Безобразова) довольно скоро закончила свою работу.

Насколько мне известно, заключительный документ по работе Комиссии нигде не был опубликован. Нет его и в архиве Флоровского. Однако игумен Геннадий (Эйкалович) цитирует официальную резолюцию епископского совещания, созванного митр. Евлогием 26–29 ноября 1937 г. с целью положить конец булгаковскому делу^[69]. В тексте резолюции говорится, что епископы, изучив отчеты прот. Четверикова и архим. Кассиана, пришли к заключению, что обвинения Булгакова в ереси неоправданы, но что его богословские взгляды тем не менее вызывают возражения и нуждаются в исправлении. Поэтому епископы призывают Булгакова подвергнуть критическому пересмотру те аспекты своего учения, которыми была вызвана критика, и «изъять из них то, что порождает смущение в простых душах, которым недоступно богословско-философское мышление»^[70].

Следует добавить, что документ, опубликованный Эйкаловичем, не содержит требований, чтобы Булгаков отрекся от софиологии. Однако в воспоминаниях прот. Зеньковского говорится, что Булгаков сделал официальное заявление митр. Евлогию, что не будет пропагандировать софиологию на своих лекциях в Богословском институте. Но, как с горечью замечает тот же Зеньковский, Булгаков этого обещания не исполнил и вел свои занятия совершенно так же, как и прежде^[71]. Тем не менее официальная дискуссия по этому болезненному вопросу была закрыта.

* * *

Хотя с формальной точки зрения булгаковский «процесс» закончился, его последствия Флоровский ощущал на себе еще долго. Решение уклониться от работы Комиссии никак не наладило его отношений с коллегами в Богословском институте, где его считали неким «предателем» Булгакова^[72]. Письма, полученные Флоровским в этот период, показывают, что он мучительно переживал враждебное отношение к себе и выражал желание покинуть Париж навсегда^[73].

Выручили экуменические связи, установленные в Англии в предшествующие годы, и которые теперь сделали возможными частые отлучки из Парижа[74]. Во время одной из таких поездок произошел эпизод, непосредственно связанный с Булгаковым, в результате которого Флоровский попал в первые ряды экуменического движения. В 1937 г. Булгаков, Флоровский и двое других профессоров Богословского института были приглашены в Эдинбург в качестве православных делегатов на вторую международную конференцию по «Вере и церковному устройству» (Conference on Faith and Order). Парижскую делегацию сопровождал митр. Евлогий, решивший присоединиться из-за тревоги по поводу возможных трений внутри группы[75]. Его страхи вскоре оправдались. Как пишет митрополит, Флоровский в своем выступлении «резко и язвительно» напал на идею самодостаточности чистосердечного благочестия, лишённого прочного философского основания, причем, главное, его сообщение следовало непосредственно после доклада Булгакова, в котором о. Сергей настаивал на противоположном, говоря о второстепенном значении всех доктрин в экуменическом деле. Митрополит был возмущен содержанием и тоном выступления Флоровского, считая это открытой атакой на Булгакова, но он с недоумением отметил, что некоторым видным неправославным делегатам жесткая позиция Флоровского оказалась весьма по душе[76]. Результат был неожиданным: Флоровского избрали в Исполнительный Комитет, которому поручили набросать план конституции создаваемого тогда Всемирного Совета Церквей[77]. Таким образом намечается некая связь между многолетней полемикой Флоровского с Булгаковым и его вступлением в высшие сферы экуменического движения.

Несмотря на свое растущее участие в деятельности ВСЦ (естественным образом прерванную в годы войны), Флоровский почти не сократил потока научных публикаций, в ряде которых легко прослеживается полемика с установками софиологии. Здесь мы кратко отметим лишь четыре примера послевоенных статей, наиболее отчетливо посвященных этой теме. В работе 1949 г., «The Ever-Virgin Mother of God» (Приснодева Богородица)[78] Флоровский резко отвергает широко распространенный абстрактно-иносказательный взгляд на Воплощение. На самом деле, пишет он, на Богородицу следует смотреть как на соучастницу в деле Воплощения, как на исторически реальное лицо, наделенное свободой воли, как на личность, сознательно согласившуюся на служение божественному замыслу. Такой постановке вопроса противоречит тенденция придавать Деве Марии чисто символическое значение, при котором Она воспринимается как совершеннейшее выражение софиологических принципов[79].

В 1951 г. Флоровский печатает статью «The Lamb of God» («Агнец Божий»), одним своим названием уже вызывающую в памяти одноименную монографию Булгакова[80]. В этой работе, во многом развивающей положения статьи о Приснодеве Марии, Флоровский с особой настойчивостью подчеркивает мысль об историческом характере христианства. Абстрактный, метафизически-спекулятивный подход к основам христианской религии объявлен ущербным и неадекватным.

Еще две статьи, в данном случае связанные с патристикой, имеют несомненное отношение к тематике спора с Булгаковым. В работе 1960 г., «Saint Gregory Palamas and the Tradition of the Fathers» («Святитель Григорий Палама и традиция отцов»)[81] Флоровский показывает, что Палама находится в стержневом русле святоотеческой традиции, тем самым оспаривая взгляд Булгакова, что Св. Григория следует рассматривать как одного из основателей софиологии[82]. А в статье 1962 г., «The Concept of Creation in St. Athanasius» («Понятие Творения у святителя Афанасия Великого»)[83], являющейся продолжением давней работы Флоровского о философии творения, угадывается попытка опровергнуть мнение Булгакова, будто Афанасий, как и Палама, является предтечей софиологии[84].

В этих и других статьях послевоенных лет Флоровский как бы возвращается — теперь в новой, англоязычной среде — к методу безличностной полемики, характерной для его подхода в довоенные годы, причем столь же строго как и раньше соблюдается отказ от какой бы то ни было открытой критики Булгакова[85].

В письме 1975 г. Флоровский подтвердил, что его критическое молчание было с его стороны вполне сознательным актом. Он упрекает своего парижского знакомого за его доверие слухам:

У вас, в Париже, творят легенды. Покойный П. Евдокимов утверждал в печати, что я «яростно» напал на о. Сергия. Никогда об о. Сергии я не писал <критических статей>, и от устной критики уклонялся[86].

Но надо заметить, что запрет критики в адрес Булгакова, который Флоровский наложил на собственные публикации и выступления, не распространялся на неофициальные беседы и частную переписку. В качестве примера я приведу отрывок из письма Флоровского к Ю.П. Иваску, написанного в последние годы жизни, в котором о. Георгий открыто обсуждает тему, никогда не исчезавшую из его поля зрения. При этом весьма характерно, что с замечаний о Флоренском он как бы естественно переходит на Булгакова:

Прочел Вашу статью в Вестнике. Ваша защита Флоренского есть сплошное недоразумение[87]. Написал книгу о христианстве и в ней нет даже коротенькой главы о Христе. И картина получается кривая. Покойный отец Сергей Булгаков посвятил целый том теме Агнец Божий. Начал он все же с периферии — Богородица, Предтеча, Ангелы[88]. В интимном разговоре он сам мне признался, что к христологии он повернулся под моим влиянием. Однако его христология меня мало удовлетворяет. В его старой книге, «Свет Невечерний», христологичны только первые главы — написанные до того, как его своротил (sic — А.К.) Флоренский. Дело не в том, что они оба поминают Христа иногда, но Он не стоит в центре <...>[89].

Высказанный здесь отрицательный взгляд на богословские построения Булгакова в сущности не менялся у Флоровского в течение всей его жизни. Но это философское неприятие переросло в натянутые отношения только в середине 1930-х гг. До и после этого времени, теоретические расхождения совмещались у него с благожелательством и даже теплотой в личном плане. Довольно скоро после событий, связанных с делом Булгакова, status quo ante был восстановлен, главным образом, думается, благодаря удивительной незлобливости о. Сергия. Как вспоминает Флоровский, Булгаков был единственным преподавателем в Богословском институте, который не проявил к нему враждебности в связи с занятой Флоровским позицией в «деле» о ереси[90]. Более того, когда в 1939 г. Булгаков подвергся операции горла и был вынужден отказаться от поездки на заседание экуменической организации в Женеве, где его ожидали в качестве делегата, он предложил Флоровскому занять его место — шаг, вызвавший недоумение в Богословском институте и глубокую благодарность Флоровского[91].

В письмах из Сербии, где Флоровский провел почти все военные годы, добрые чувства по отношению к Булгакову звучат особенно отчетливо. Примером могут послужить следующие строки, относящиеся к предстоящему празднованию двадцатипятилетия священнослужения о. Сергия:

Да хранит Вас Господь и да благословит Он миром входя и исходы Ваши и укрепит в Вашем служении Его правде. Очень чувствую, что при всех наших разногласиях и размолвках мы творим единое дело, и работаем на одной ниве[92].

Эта личная теплота со временем сняла остроту и с богословских расхождений, нисколько не снимая, однако, принципиального несогласия Флоровского с софиологией. Яснее всего такая умеренная и дружественная по тону критика, сформулированная в сочетании с четким определением причины несогласия, была высказана Флоровским в письме, адресованном Татьяне Сергеевне Франк, вдове философа С.Л. Франка. Флоровский здесь отвечает на высказанное Т.С. Франк огорчение по поводу оценки, которую Флоровский дал богословским воззрениям ее покойного мужа[93].

Я совершенно согласен со всем, что Вы говорите о вере С.Л., и старался подчеркнуть его глубочайшую верность и убежденность, которая для него была так характерна, и однако, и в этом состояла моя мысль, его философское оформление этой веры не соответствовало религиозной глубине его верования <...>. Совершенно то же я сказал бы, даже резче, об о. Сергии Булгакове и многих других. Моя «критика» не касается веры С.Л., а только <...> в сущности, христианского платонизма. Это — древняя и очень почтенная традиция, но для меня ненадежная и недостаточная....[94]

Именно к такому окончательному суждению о Булгакове Флоровский пришел к концу жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Монахиня Елена. Профессор протоиерей Сергей Булгаков (1871–1944) // Богословские труды. Вып. 2. 1986. С. 140. См. также: Riha T. Russian Immigrant Scholars in Prague after World War I // Slavic and East European Journal. 1958. Vol. 16. No. 1. P. 22–26.

[2] См. сб. под ред. Марины Складчиковой: Сосуд избранный. История российских духовных школ. СПб., 1994. С. 111.

[3] 1921 г. — Блаженство страждущей любви // Записки русс. акад. группы в США. 1992–1993. Т. 25. С. 95–101; 1922 г. — Человеческая мудрость и Премудрость Божия // Младорусь № 1. С. 50–62. Перепечатано в сб. статей: Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 74–86; 1922–1923 гг. — Пафос лжепророчества и мнимые откровения // Русская мысль. Т. 44. № 3/5. С. 210–231. Перепечатано в сб. Из прошлого русской мысли. С. 189–209.

[4] Запись в пражском дневнике С.Н. Булгакова от 16/29 сентября 1923 г. См.: Козырев А., Голубкова Н. Прот. С. Булгаков. Из памяти сердца. Прага [1923–1924] // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1998 год (под ред. М.А. Колерова). М., 1998. С. 156.

[5] Там же. С. 171. Запись 18. X. 1923 г.

[6] См.: Evtuhov C. The Correspondence of Bulgakov and Florovsky: Chronicle of a Friendship // Wiener Slavistischer Almanach. 1996. Bd. 38. P. 37–49.

[7] Братство святой Софии: документы (1918–1927) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год. СПб., 1997. С. 99–113; Братство Святой Софии. Материалы и документы. 1923–1939. Сост. Н.А. Струве; Подг. Текста и примеч. Н.А. Струве, Т.В. Емельяновой. — М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2000.

[8] Письмо С.Н. Булгакова Г.В. Флоровскому от 18/31 августа 1924 г. Принстонский архив Г.В. Флоровского. Princeton University Library, Manuscript Division of the Department of Rare Books and Special Collections. Georges Florovsky Papers — C0586. Box 12. Folder 9. Цитируется с разрешения Принстонского университета. В дальнейшем указания на этот архивный фонд обозначены как: Georges Florovsky Papers.

[9] Четче всего это высказано Булгаковым в его книге (имеющейся пока только в английском переводе) «The Wisdom of God: A Brief Summary of Sophiology». (New York & London. 1937. P. 24): «I regard Soloviev as having been my philosophical «guide to Christ»».

[10] О том, что Булгаков пересматривал свои воззрения на Соловьева, вероятно не без влияния полемики с Флоровским, см.: Козырев А. Прот. Сергей Булгаков. О Вл. Соловьеве (1924) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1999 год (под ред. М.А. Колерова). М., 1999. С. 199–222.

[11] Там же. С. 206.

[12] См.: Булгаков С. Н. Владимир Соловьев и Анна Шмидт // Он же. Тихие думы. М. 1918. С. 71–114.

[13] Цит. по: Козырев А. Прот. Сергей Булгаков. О Вл. Соловьеве. С. 206.

[14] См.: Булгаков Сергей, прот. Моя болезнь // Он же. Автобиографические заметки. Париж, 1946. С. 136–139.

[15] Цит. по: Козырев А. Прот. Сергей Булгаков. О Вл. Соловьеве. С. 210.

[16] Письмо от 8/21 февраля 1926 г. Georges Florovsky Papers. Box 12. Folder 11.

[17] Там же.

[18] Письмо от 27 апреля / 10 мая 1926 г. Georges Florovsky Papers. Box 12. Folder 11.

[19] Письмо от 7/20 июля 1926 г. Georges Florovsky Papers. Box 12. Folder 11.

[20] Письмо от 22 июля / 4 августа 1926 г. См.: Пентковский А.М. Письма Г. Флоровского С. Булгакову и С. Тышкевичу // Символ. 1993. № 29. С. 205–206.

[21] Там же. С. 206–207.

[22] Мейендорф вспоминает частые замечания Флоровского на его лекциях по патрологии в Богословском Институте в Париже (где Мейендорф был студентом), что великие Отцы Церкви в ранние века христианства чаще всего богословствовали для опровержения еретиков. По мнению Мейендорфа, Флоровский следовал именно этому примеру, и отталкивание от софиологии во всех ее видах было тем основным «психологическим импульсом», который определил направление его научной работы. См.: Мейендорф И., прот. Предисловие // Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. 4-е изд. Париж, 1988. С. VI–VII.

[23] Флоровский Г.В. Тварь и тварность // Православная мысль. Вып. 1. 1928. С. 176–212. В том же году появился сокращенный французский вариант: L'idée de la création dans la philosophie chrétienne // Logos: Revue internationale de la synthèse Orthodoxe. 1928. №1. P. 3–30. Через двадцать лет вышел свободный английский перевод французской статьи: The Idea of Creation in Christian Philosophy // Eastern Churches Quarterly. 1949. Vol. 8. No. 3. P. 55–77. Как сообщил мне Winston F. Stum, автор диссертации о Булгакове, написанной им в Гарвардском университете под руководством о. Георгия («The Doctrine of Sophia According to Sergius Bulgakov». Harvard, 1965), Флоровский говорил ему, что в этой статье высказана вся суть («the gist») его расхождения с Булгаковым. Русский текст 1928 года перепечатан в сб. статей Флоровского: «Догмат и история». (М., 1998. С. 108–150).

[24] См.: Флоровский Г.В. О почитании Софии, Премудрости Божией, в Византии и на Руси // Труды V-го съезда русских академических организаций за границей в Софии 14–21 сентября 1930 года. Часть I. София, 1932. С. 485–500. Перепечатано в сб. «Догмат и история». С. 394–414.

[25] Булгаков вкратце излагает эту точку зрения в своем формальном ответе на критику Архиерейского Синода ПЦЗ, обвинившего его в «модернизме». См.: Докладная записка, представленная профессором протоиереем Сергием Булгаковым митрополиту Евлогию весной 1927 г. // О Софии Премудрости Божией. Париж, 1935. С. 61.

[26] Лев Зандер, ученик и последователь Булгакова, оспаривает заключения Флоровского в своей немецкой статье: Zander L. Die Weisheit Gottes im russischen Glauben und Denken // Kerygma und Dogma. 1956. T. 2. No. 1. S. 33–46. На статью Флоровского ссылается Антоний, митр. Ленинградский и Новгородский, в своей жесткой критике софиологии: Из истории новгородской иконографии // Богословские труды. Вып. 27. 1986. С. 61–80. Последовали резкие возражения: А. В. Уста праведника изрекают премудрость // Вестник Р.Х.Д. 1987. № 149. С. 12–45; Иванова Е. Наследие о. Павла Флоренского. А судьи кто? // Вестник Р.Х.Д. 1922. № 165. С. 121–138. Об иконографии Софии см. также: Meyendorff J. Wisdom-Sophia. Contrasting Approaches to a Complex Theme // Dumbarton Oaks Papers. 1987. No. 41. P. 391–401. Мысль, что в древнерусской иконописи проявляются черты, оправдывающие построения софиологии нового времени, была вкратце высказана Соловьевым в статье «Идея человечества у Августа Конта» (1898) и затем

развита о. Павлом Флоренским в его знаменитой книге «Столп и утверждение Истины». (М., 1914. С. 370–382). Подробная попытка обосновать аутентично-православную сущность новгородской иконы представлена в большой статье Присциллы Хант: Hunt P. The Novgorod Sophia Icon and «The Problem of Old Russian Culture»: *Beturen Orthodoxy and Sophiology // Symposium: A Journal of Russian Thought*. 1999–2001. Vols. 4–6. S. 1–40. Несколько видоизмененный русский вариант этой статьи должен появиться в «Новгородском историческом сборнике» в 2003 г.

[27] См.: Флоровский Г.В. Томление духа // *Путь*. 1930. № 20. С. 102–107. В несколько разработанной форме рецензия вошла в книгу «Пути русского богословия». (С. 493–498). Перепечатано в сб. «П.А. Флоренский. Pro et Contra» (СПб., 1996. С. 359–363).

[28] *Путь*. 1930. № 25. С. 51–80. Перепечатано в сб. статей Флоровского «Из прошлого русской мысли». (С. 412–430).

[29] Цит. по: Козырев А., Голубкова Н. Прот. С. Булгаков. Из памяти сердца... С. 107.

[30] См. об этом: Зернов Н. Русский религиозный опыт и его влияние на Англию. // *Русская религиозно-философская мысль XX века* (под ред. Н.П. Полторацкого). Питтсбург, 1975. С. 128–129.

[31] Там же. С. 129.

[32] Dobbie-Bateman A.F. Footnotes (IX) // *Sobornost*. 1944. No. 30 (N.S.). P. 8. Защита идеи «Interkommunion» Булгаковым в 1933 г. диаметрально противоположна его же гневному и категорическому осуждению такой практики десятью годами раньше: См.: Булгаков Сергей, прот. Ялтинский дневник // Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1998. С. 164.

[33] Евлогий, митр. *Путь моей жизни. Воспоминания, изложенные по его рассказам Т. Манухиной*. Париж, 1947. С. 449.

[34] См.: Письмо Л.А. Зандеру и В.А. Зандер // *Вестник Р.Х.Д.* 1971. № 101–102. С. 74.

[35] Шмеман Александр, прот. Три образа. // *Вестник Р.Х.Д.* 1971. № 101–102. С. 12, 20–21. Шмеман выразился гораздо резче в своем дневнике, посмертно опубликованном его вдовой (в английском переводе). См.: *The Journals of Father Alexander Schmemman, 1973–1983*. Crestwood; N.Y., 2000. P. 261–262. Запись относится к 31 марта 1980 г.

[36] Хронологию формальной стороны «дела» прот. Булгакова излагает Dom C. Lialine в «Le Dibat sophiologique» (см.: *Igrnikon*. Т. 13. No. 2 (1936). P. 168–205 и добавления в No. 3. P. 328–329 и No. 6. P. 704–705 (последнее добавление озаглавлено «L’Affaire sophiologique»). См. также: Schultze B., S.J.: *Der gegenwärtige Streit um die Sophia, die Götterliche Weisheit, in der Orthodoxie // Stimmen der Zeit*. 1940. No. 137. S. 318–324. Не лишена ошибок брошюра игумена Геннадия (Эйкаловича) «Дело прот. Сергея Булгакова. Историческая канва спора о Софии». (Сан-Франциско. 1980). См. также краткие воспоминания прот. Василия Зеньковского «Дело об обвинении о. Сергея Булгакова в ереси» («Вестник Р.Х.Д.». 1987. № 149. С. 61–65).

[37] Отметим главные документы в хронологическом порядке:

1) Письмо митр. Антония к митр. Евлогию от 18/31 марта 1927 г., с указанием на «модернизм» парижского Богословского института вообще, и учения прот. Булгакова в частности. (Перепечатано в сб.: *Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997*. СПб., 1997. С. 115–121.)

2) Формальный ответ Булгакова, перепечатанный в виде приложения к его брошюре «О Софии Премудрости Божией. Указ Московской Патриархии и докладные записки прот. Сергия Булгакова Митрополиту Евлогию» (Париж, 1935. С. 54–64).

3) Указ Московской Патриархии от 7 сент. 1935 г. с осуждением софиологии, как «чуждой» православию, но без обвинения Булгакова в ереси. Текст указа и ответ («Докладная Записка») Булгакова напечатаны в названной выше брошюре (С. 5–53). Парижский богослов Владимир Лосский, чей доклад послужил основой указа МП, затем издал брошюру с критическим разбором ответа Булгакова «Спор о Софии: «Докладная Записка» прот. С. Булгакова и смысл указа Московской Патриархии» (Париж, 1936).

4) Формальное обвинение в ереси содержится в постановлении Русской Зарубежной Церкви: Определение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей от 17/30 октября 1935 г. О новом учении протоиерея Сергия Булгакова о Софии-Премудрости Божией. Перепечатано, вместе с сопроводительным письмом митр. Антония к митр. Евлогию, в брошюре Людмилы Перепелкиной «Экуменизм — путь, ведущий к гибели». (Джорданвилль, 1992. С. 61–81). Как указывается в этом документе, обвинение в ереси основано главным образом на разборе вопроса, содержащегося в большой книге архиеп. Серафима (Соболева) «Новое учение о Софии Премудрости Божией» (София. 1935. Книга перепечатана в Джорданвилле в 1993 г.)

5) Булгаков отвергает обвинения РПЦЗ в новой брошюре «Докладная записка Митрополиту Евлогию проф. прот. Сергия Булгакова по поводу определения Архиерейского собора в Карловцах относительно учения о Софии Премудрости Божией» (Париж, 1936). Текст этой брошюры был напечатан также как приложение к журналу «Путь». (1936. № 50).

6) Архиеп. Серафим (Соболев) подвергает критике ответ Булгакова в своей новой книге «Защита Софианской ереси протоиереем С. Булгаковым пред лицом Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви» (София, 1937).

[38] См., например, заявление, подписанное всеми преподавателями Богословского института (за исключением Флоровского), которое цитируется в брошюре игум. Геннадия (Эйкаловича) «Дело прот. Сергия Булгакова...». (С. 39). См. также воспоминания митр. Евлогия «Путь моей жизни». (С. 637).

[39] См.: Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. Munchen, 1968. С. 266–271. Диспут был проведен Н.А. Бердяевым, автором гневной статьи, направленной против критиков Булгакова «Дух Великого Инквизитора» (см.: Путь. 1935. № 49. С. 72–81).

[40] Надпись цитируется в письме Н.О. Лосского (отца богослова) к Флоровскому от 29 декабря 1935г. Georges Florovsky Papers. Box 14. Folder 3.

[41] Письмо от 3 ноября 1935 г. Georges Florovsky Papers. Box 14. Folder 3.

[42] Например, письмо А.В. Карташева от 17 декабря 1935 г., в котором Карташев отвечает на не дошедшее до нас извинение Флоровского за чрезмерную резкость своих высказываний: «В отношении меня <Вы> напрасно беспокоитесь <...> Я на Ваши «громы» никогда не обижался и не обижаюсь, ибо они *бескорыстно-искренни*. Вы мучитесь за истину. И я Вам тут *сочувствую*. Я сам человек вспыльчивый и тоже пылко ревную о своем мериле истины» (Georges Florovsky Papers. Box 14. Folder 3; подчеркивание в текстах, здесь и далее обозначено курсивом).

[43] Письмо А.Ф. Добби-Бейтмана от 22 декабря 1935 г. Georges Florovsky Papers. Box 59. Folder 9.

[44] См. письма от Добби-Бейтмана от 25 октября и 22 декабря 1935 г. Georges Florovsky Papers. Box 14. Folder 3 и Box 59. Folder 9, и также письмо от Ивана Йанга (Rev. IvanYoung) от 3 января 1936 г. (по ошибке помеченное «1935»): Georges Florovsky Papers. Box. 14. Folder 2.

[45] Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Комиссии было поручено рассмотреть только обвинения, исходящие от РПЦЗ.

[46] Евлогий, митр. Путь моей жизни. С. 642.

[47] См.: Блейн Э. Жизнеописание отца Георгия // Георгий Флоровский. Священнослужитель, богослов, философ (под ред. Ю.П. Сенокосова). М., 1995. С. 66.

[48] Первое собрание было назначено на 10 февраля 1936 г. См.: Georges Florovsky Papers. Box 59. Folder 9.

[49] Председателем был вначале назначен протопресвитер Яков Смирнов, но из-за его болезни, а вскоре и смерти, формальное председательство перешло к Четверикову.

[50] См.: Дело об обвинении о. Сергия Булгакова в ереси. С. 64. Однако Флоровский участвовал в ряде дискуссий, предшествующих составлению отчета Комиссии. См. ниже прим. 54.

[51] Georges Florovsky Papers. Box 14. Folder 5.

[52] Ibid.

[53] Четырехстраничный машинописный текст (без подписей) озаглавлен: «Особое мнение к отзыву большинства Комиссии по делу о книгах о. С. Булгакова». См.: Georges Florovsky Papers. Box 14. Folder 9. Игумен Геннадий (Эйкалович) в своей брошюре приводит очень неточный и неправильно датированный, обратный перевод этого документа с английского.

[54] Восьмистраничный машинописный текст не подписан и не датирован. Заглавие: «Отзыв Комиссии по делу о сочинениях прот. о. С. Булгакова» Georges Florovsky Papers. Box 59. Folder 9. Авторы документа названы в письме Четверикова к Флоровскому от 26 июня 1936 г., где также сообщается, что текст прислан из Англии, куда авторы, вместе с Флоровским, направились в связи с очередными летними выступлениями под эгидой Содружества Свв. Албания и Сергия. См.: Georges Florovsky Papers. Box 14. Folder 5.

Об участии Флоровского в разработке «Отзыва Комиссии» мы узнаем из письма о. Георгия к жене от 6 мая: «Я предложил ввести в доклад Комиссии отд<ельный> параграф о том, что учение о. Сергия Б<улгакова> тем более вызывает смущение, что остается неясным, чем оно отличается от очевидно еретического софианства Блока и Белого, от прелестн<ых> теорий Вл. Соловьева и Флоренского — и на это все согласились, вкл<ючая> о. Кассиана, кот<орый> предложил отметить, что в прежних книгах о. Сергия («Свет невечерний») очень многое и вполне должно быть признано *ложным*» (Georges Florovsky Papers. Box 55. Folder 6).

[55] См.: Блейн Э. Жизнеописание отца Георгия. С. 67.

[56] См.: Dom C. Lialine. L'Affaire sophiologique. P. 704–705.

[57] Georges Florovsky Papers. Box 55. Folder 6. Артур Добби-Бейтман (A.F. Dobbie-Bateman, 1897–1974), впоследствии англиканский священник, был одним из наиболее деятельных участников Содружества Свв. Албания и Сергия.

[58] Письмо к Ксении Ивановне от 6 мая 1936 г. Georges Florovsky Papers. Box 55. Folder 6. Интересно отметить, что Флоровский не разделял опасений Добби-Бейтмана, считая, наоборот, что публикация будет полезна по той причине, что создаст для англоязычных читателей возможность реальной критики. Речь идет о книге «The Wisdom of God: A Brief Summary of Sophiology», изданной в следующем году (1937).

[59] Письмо Добби-Бейтмана от 9 августа 1936 г. Georges Florovsky Papers. Box 59. Folder 9.

[60] Письмо от 12 ноября 1936 г. Georges Florovsky Papers. Box 59. Folder 9.

[61] Доклад Четверикова озаглавлен «О плане работы Комиссии по делу о сочинениях профессора протоиерея о. Сергия Булгакова в наступающем году». Сопроводительное письмо датировано 20 сентября 1936 г. См.: Georges Florovsky Papers. Box 59. Folder 9.

[62] Четвериков благодарит Флоровского за эти слова в своем письме от 1 октября 1936 г. Georges Florovsky Papers. Box 15. Folder 1.

[63] Письма Четверикова от 1 октября и 1 ноября 1936 г. Georges Florovsky Papers. Box 15. Folder 1.

[64] Предисловие датировано 2/15 сентября 1936 г. и суммирует убеждение Флоровского, что «православный богослов в наши дни только в святоотеческом предании может найти для себя верное мерило и живой источник созидательного вдохновения» («Пути русского богословия». 4-е изд. Париж, 1988. С. XV.

[65] Доклад был прочитан по-английски («Patristics and Modern Theology»), см.: Proces-Verbaux du premier congres de thologie Orthodoxe a Athenes, 29 novembre — 6 decembre 1936. Athenes, 1939. P. 238–242.

[66] См. например: Булгаков С., прот. На путях догмы // Путь. 1932. № 37. С. 3–35.

[67] См. письма к Флоровскому от 21 января и 13 февраля 1937 г. (Georges Florovsky Papers. Box 15. Folder 2) и к Ксении Ивановне от 5 февраля (Georges Florovsky Papers. Box 56. Folder 6).

[68] Georges Florovsky Papers. Box 15. Folder 2.

[69] См.: Дело прот. Сергия Булгакова... С. 33–35.

[70] Там же. С. 35.

[71] См.: Зеньковский В., прот. Мои встречи с выдающимися людьми // Записки русс. акад. группы в США. 1994. Т. XXVI. С. 26.

[72] См.: Блейн Э. Жизнеописание отца Георгия. С. 67–68.

[73] Весной 1937 г., в частности, Флоровский рассматривал возможность переезда в Сербию, что вызвало энергичные возражения со стороны его английских корреспондентов. Добби-Бейтман, например, писал 21 апреля: «Я очень надеюсь, что Вы обрели новую уверенность в своем назначении остаться среди парижской эмиграции, где Вы столь нужны. Не может быть, чтоб Париж был хуже Кронштадта, когда бежал от него о. Иоанн, и не стало ли это для о. Иоанна горестным часом? Последствия для Ваших английских друзей тоже, вероятно, были бы чувствительными. А для Вас самих уход от своего народа будет иметь более глубокие последствия, чем Вы думаете» (перевод с английского; Georges Florovsky Papers. Box 15. Folder 2). Добби имеет в виду спешный отъезд о. Иоанна из Кронштадта при начале беспорядков в городе в октябре 1905 г. и безжалостную критику, которой он подвергся за этот шаг.

[74] Об этом см.: Блейн Э. Жизнеописание отца Георгия. С. 68–78.

[75] См.: Евлогий, митр. Путь моей жизни. С. 589, 593.

[76] Там же. С. 593–594.

[77] См.: Блейн Э. Жизнеописание отца Георгия. С. 74.

[78] Английский оригинал в сб. под ред. E.L. Mascall. «The Mother of God». (London, 1949. P. 51–63). Русский перевод в сб. статей Флоровского «Догмат и история» (С. 165–180).

[79] См., например, у Булгакова в его книге «Купина неопалимая». (Париж, 1927. С. 189) и у Флоренского в книге «Столп и утверждение Истины». (М., 1914. С. 350–351) и др.

[80] *Scottish Journal of Theology*. 1951. Vol. 4. No. 1. P. 13–28.

[81] *The Greek Orthodox Theological Review*. 1960. Vol. 5. No. 2. P. 119–131. Русский перевод в сб. «Догмат и история» (С. 377–393).

[82] См., например: Булгаков Сергей, прот. Невеста Агнца. Париж, 1945. С. 23.

[83] Английский оригинал см. в: *Studia Patristica*. (1962. Vol. 6. No. 4. P. 36–57). Русский перевод в сб. «Догмат и история» (С. 80–107).

[84] См.: Булгаков Сергей, прот. Купина Неопалимая. Париж, 1927. С. 266–288.

[85] Это табу достигло своего рода апогея и 1971 г., когда в статье о Булгакове в одном американском справочнике по истории Церкви, Флоровский не упомянул о софиологии вообще. См.: *The Westminster Dictionary of Church History*. Ed. Jerald C. Brauer. Philadelphia, 1971. P. 138–139. Статья не подписана, и об авторстве Флоровского мне сообщил Rev. Winston F. Crum, связавший редактора с о. Георгием.

[86] Письмо о. Игорю Вернику от 23 июня 1975 г. *Georges Florovsky Papers*. Box 12. Folder 1.

[87] Речь идет о статье Иваска «Розанов и о. Павел Флоренский», появившейся в «Вестнике Р.С.Х.Д». в 1956 г. Перепечатана в сб. «П.А. Флоренский: Pro et Contra». (СПб., 1996. С. 440–444).

[88] Флоровский имеет в виду последовательность книг Булгакова: «Купина Неопалимая» — о Богородице (1927); «Друг Жениха» — об Иоанне Крестителе (1927); «Лествица Яковля» — об ангелах (1929); и затем книга о Христе «Агнец Божий» (1933).

[89] Письмо к Юрию Иваску от 3 июня 1976 г. *Georges Florovsky Papers*. Box 12. Folder 3.

[90] См.: Блейн Э. Жизнеописание отца Георгия. С. 63.

[91] Там же. В письме Ю.П. Иваску от 1 февраля 1975 г. Флоровский говорит об этом так: «Моим с ним несогласием о. Сергей был огорчен, но тем не менее избрал именно меня в свои заместители в Экуменическом движении, к возмущению своих поклонников и поклонниц». Архив Ю.П. Иваска — Iurii P. Ivask Papers. Box 3. Folder 5. Amherst Center of Russian Culture, Amherst College. Приводится с любезного разрешения Центра по изучению русской культуры, Amherst College, Amherst, Massachusetts.

[92] Письмо от 11/24 апреля 1943 г. Архив о. Сергия Булгакова (Свято-Сергиевский Богословский институт; печатается с разрешения Богословского института).

[93] См.: Флоровский Георгий, прот. Религиозная метафизика С.Л. Франка // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка. (Под ред. прот. В.В. Зеньковского). München, 1954. С. 145–156.

[94] Письмо от 6 декабря 1954 г. Columbia University Library. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. BAR Frank Papers. Microfilm 89-2007. Цитируется с любезного разрешения Бахметевского архива.